

Т Е А Т Р

Жестокая странность ПРОФЕССИИ

Моск. новости. — 2002. — 8 янв. — с. 38–39

Он обладатель многих наград — в том числе премии «Триумф» 2001 года, любимец зрителей, член президентского совета по культуре. О том, случайно ли это, артист размышляет вместе с обозревателем «МН» Ниной АГИШЕВОЙ.

— К вам успех пришел сразу?

— Нет, конечно, он не свалился как снег на голову. Ты сам достаточно тяжело и ответственно выбираешь, в какую сторону тебе идти. Помню, первый мой шаг серьезный в Москве был — решиться, помимо театра Табакова, сыграть что-то на стороне: я человек домашний, консервативный, и это было для меня что-то вроде полета на Луну. Однако «Орестея» Петра Штайна повлекла за собой Гамлета, наконец, это был шаг к трагедии, для меня неведомый и, возможно, никогда бы и не изведанный, потому что многие в таком репертуаре меня просто не представляли. Ничего во мне особенного, конечно, не было, наверное, Штайну нужна была просто краска, которой я соответствовал, но сам я стал относиться к себе как к трагическому актеру — и страшно погорел с ролью Ореста в Москве. Потом был реванш в Париже — словом, я за полгода пережил тогда почти столько же, сколько сам Орест.

Или другой поворотный момент: я как-то две недели сидел в Париже, учил французский и занимался боксом — должен был во французской картине играть главную роль боксера-эмигранта. Честно говоря, мне там не очень нравилось: сценария почти нет, на репетициях я проклял все на свете, но ду-

мал — каннская лестница все окупит. В этот самый момент мне позвонил Валерий Фокин и предложил роль Ивана Карамазова в спектакле «Современника». Слава богу, еще не был подписан контракт, и на следующий день я уже сидел в самолете. Перед этим была ночь мучительных раздумий — как поступить? Актеры знают, как трудно даются такие решения и как много значит здесь интуиция.

— Как бы вы сами определили свой актерский тип?

— Не знаю. Сейчас много говорят о том, что время нынче безгеройное — вот были Урбанский, Тихонов, это да. Но сегодня нет одномерных героев с преобладанием одной какой-то черты, пусть и самой благородной. Сегодня действительно героем может стать любой, как это и произошло в передаче «За стеклом», вокруг которой было столько споров.

— А вы смотрели эту передачу?

— Смотрел, потому что в это время болел и был дома. Противно и интересно — две эти эмоции во мне боролись, но победила вторая. Интересно прежде всего то, как менялись люди. Это был

очень жестокий эксперимент в первую очередь по отношению к самим участникам, но таково сегодня телевидение. Маски сняты, мы сейчас, как они, — звери! В передачу «За стеклом» попали обычные ребята, с улицы, а сейчас они уже звезды. Мне как актеру страшно важно все, что с ними происходит: как меняется выражение глаз, пластика. Это жестокая странность профессии.

— А вы считаете, что эти молодые люди с их интеллектом и речью и есть современные молодые герои?

— Безусловно. Герой — это человек, которого время выдвигает на первый план, а оно ничего случайно не делает. И еще неизвестно, что это за ребята, такие ли они убогие, как иногда выглядят.

— Вернемся к театру. Несмотря на всю свою звездность, вы храните верность родной «Табакерке», из штата которой не уходили никогда. Не угрожает ли ей сегодня то обстоятельство, что Табаков возглавил МХАТ имени Чехова?

— Угрожает. Несмотря на то, что у нас по-прежнему очень рабочая и творческая атмосфера, — никто без рабо-

ты не сидит. Но мы не можем не чувствовать, что для Олега Павловича сегодня приоритетом является Художественный. Думаю, что со временем «Табакерка» трансформируется в некий экспериментальный творческий организм, место проб и поиска для молодых, а среднее поколение перейдет на большую сцену.

— А как вы чувствуете себя в мхатовских стенах — ведь, помимо вас, Марина Салакова, Марина Зудина, Виталий Егоров и другие уже всю здесь играют, и далеко не всегда удачно, о чем мне уже приходилось писать в связи с возобновлением «Чайки».

— «Чайка» — это огромное мое разочарование, причем разочарование прежде всего в своих способностях. Я надеялся, что смогу что-то сделать в этом спектакле. Ведь первоначально Олегу Николаевичу Ефремову роль

Евгений Миронов

НАТАЛЬЯ ПОТНОВА

Треплева совершенно не нравилась — он делал спектакль не про него, а про Нину. Чувствуя всей душой несправедливость такого его решения, я хотел сместить актеры — и у меня ничего не получилось по ряду обстоятельств. И потому, что партнеры, за редким исключением, принципиально не хотели ничего менять в старой конструкции, и по-

Евгений Миронов — один из самых востребованных актеров своего поколения, который вовсе не считает, что он пластилин в руках постановщиков

тому, что так долго не может жить не то что спектакль — даже театр. Именно на репетициях «Чайки» я понял, в какое тяжелое положение попал Табаков.

— **А вы готовы ему помочь любой ценой, даже жертвуя собственными актерскими амбициями?**

— Помощь должна быть честной — надо понимать, что ты на самом деле можешь сделать полезного. Планы театра не всегда совпадают с тем, что ты сам считаешь важным для себя в настоящий момент, что твое актерское «я» требует, куда ему идти дальше, как развиваться. Но, обретя новое актерское качество, я и Табакову могу пригодиться.

— **И в какую творческую сторону вас тянет сейчас?**

— Мне интересно освободиться от своего багажа. Другую правду найти. Хочется попробовать что-то принципиально новое, даже не совсем театр. Как Евгений Гришковец — он нашел свой способ высказывания, ни на чей другой непохожий. Дело в том, что я вовсе не пластилин в руках постановщиков — не было ни одной работы за всю мою жизнь, в которой я бы полностью доверился режиссеру или автору. Спросите у Фокина, Штайна или Донеллана, легкий ли я в работе человек — думаю, вы получите отрицательный ответ.

Вот та же «Чайка». Все задаются вопросом, талантливый Треплев или нет. Мне кажется, что он человек хороший, и это важнее. Талант вообще — это

искра Божья. Если ее поддержать, она может разгореться невиданно, а может и погаснуть. Для меня Треплев — от слова «трепетный», он больше поэт, чем режиссер или писатель. Была бы моя воля, я бы все переделал в этом спектакле и пьесе его поставил по-другому — так, как мог бы поставить ее Андрей Белый. Вот Белый — это для меня Треплев. Другое дело, что на него страшно повлиял разрыв с Ниной: обычно для творческого человека личная драма плодотворна, для него же она трагедия, и в этом загадка пьесы. Чайка — это, может быть, символ не столько судьбы Нины, сколько души Треплева, и она убита. Ведь неслучайно считается, что в чайках живут души погибших моряков.

— **Возможно, вы это и пытаетесь играть в спектакле, но он совсем про другое.**

— Мне это безразлично. Схватка с монстром по имени МХАТ еще не закончена, и я упорно буду гнуть свое.

— **А вы не подумываете о режиссуре?**

— Артисты все равно режиссеры своих ролей — но, посмотрев «Отелло» Някрошюса, думать об этом просто неловко.

— **Есть у вас чувство команды, которое наверняка было у вашего учителя, когда затевался «Современник»?**

— Нет. Может быть, оно появится чуть позже, когда нам будет за сорок.

Сегодня стать хорошим артистом так же сложно, как и во все времена. Вроде бы прославиться легче благодаря телевидению — но о тебе на другое же утро могут забыть, потому что по другому каналу идет другой сериал. Много соблазнов, а актеру репертуарного театра, даже самого замечательного, если он ему целиком предан, приходится вести нищенскую жизнь — во многом поэтому из театра Фоменко сейчас ушло несколько лучших его артистов. Мне лично очень повезло: я имею возможность зарабатывать деньги, делая то, что мне интересно. А вместо чувства команды у меня чувство семьи — своей собственной семьи.

— **Я знаю, что ваши родители именно из-за вас и вашей сестры — балерины переехали из Саратова в Москву, причем еще когда о вас никто не знал. Они никак не были связаны с театром, но вас всегда поддерживали — как вы думаете, почему?**

— Так они реализовали свою мечту о прекрасном. Мы жили в военном городке, и мама говорила: «Не дошла я — дойди ты, сынок». Я в четырнадцать лет поступил в Саратовское театральное училище, в сестра в десять — в балетную студию. Родители всегда нас безоговорочно поддерживали, поэтому бросили все: квартиру, работу — и уехали. Это мой тыл.

— **А как вы попали в президентский совет по культуре?**

Евгений Миронов в спектакле «Гамлет» Петра Штайна

— Понятия не имею. Мне позвонили в Париж, где мы были на гастролях с «Борисом Годуновым», и поздравили — так я об этом узнал. Если это рабочий орган и есть возможность повлиять на что-то, я с удовольствием буду там работать, а если просто представительский — можно оттуда и уйти. Дело в том, что я не пофигист, как нынче модно. И во многом благодаря тому, что жизнь сводила с удивительными людьми. Они воспитывали примером: тот же Табаков, например. Мы были последним курсом, которому он отдавал столько времени и своей жизни. Он привозил ботинки тем, у кого их не было, делал какие-то подарки — абсолютно естественно, не напоказ, а мы ведь все жили без родителей, в общепитии без горячей воды. Мы видели его разным — но из всех ситуаций он выходил человеком. И это было лучшей школой. Достаточно было его взгляда, чтобы мы растаяли от стыда.

— **Темп вашей нынешней жизни вас радует?**

— Иногда хочется на какое-то время остановиться, уйти куда-то. После тридцати наступает некий рубеж — я на себе это почувствовал, — когда остро встает вопрос: что дальше? Хочется из бешеного потока жизни хоть руку высунуть. Недавно, как раз в момент репетиции «Чайки», я подумал, что если выживу, то уеду на время в один маленький городок — даже придумал точно, куда, но не скажу.

— **А ваша личная жизнь?**

— Ущербна. Я Стрелец, знак достаточно целенаправленный, но сейчас цель одна — работа. Часто спрашивают, почему многие известные молодые актеры не женаты. Потому что люди сложные и профессия очень жестокая: требует или всего, или ничего. Кроме того, одиночество для творческого человека — вещь плодотворная. На моих глазах у многих очень талантливых артистов и режиссеров, которые на какой-то период времени обретали личное счастье, что-то отнималось. Это плата.